

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПЕРВЫХ ИНОСТРАННЫХ ИЗДАТЕЛЕЙ В РОССИИ И ИЗДАНИЕ УКАЗА «О ВОЛЬНЫХ ТИПОГРАФИЯХ» 1783 ГОДУ

Д.А. Гутнов, *д-р ист. наук, профессор*
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
(Россия, г. Москва)

DOI:10.24412/2500-1000-2022-4-1-35-42

Аннотация. *Статья посвящена деятельности в России во второй половине XVIII века первых немецких частных издателей: Гартунга, Вейтбрехта, Шноора и др. Интерес к ним диктуется тем, что этот опыт лег в основу издания известного екатерининского указа «О вольных типографиях» 1783 г. Этот указ впервые разрешал и легализовывал в России ведение частного книгоиздательского дела. Не менее важно и то, что после издания этого указа стало возможно издавать и частные периодические издания. А это, в свою очередь, дало толчок развитию отечественной журналистике.*

Ключевые слова: *Указ о вольных типографиях, Екатерина II, И.М. Гартунг, И.Я. Вейтбрехт, К. Шноор, Н.И. Новиков, частные типографии.*

Знаковым событием на пути обретения подданными Российской империи гражданских прав и свобод считается изданный императрицей Екатериной II 15 января 1783 года Указ «О вольных типографиях», который разрешал частным лицам невозбранно заниматься частной издательской деятельностью. По сути дела, это был акт, впервые введший в России относительную свободу печати. Конечно же, подписывая этот документ императрица не помышляла о том, чтобы даровать подданным одну из основных составляющих «прав человека». А то, что все же было предоставлено предназначалось не для всех и, как потом показала история, ненадолго. И все же этот шаг имел далеко идущие последствия для истории российского частного книгоиздательства и периодической печати. Согласно указу новую конфигурацию обрела установленная еще в XVI веке государственная и церковная монополия на издание в стране печатной продукции. Тиражируемые этими важнейшими институтами власти книги, в основном требовались либо для повседневных нужд государственного управления, либо для богослужбных целей. Зачастую, трудно определить насколько тот или иной печатный двор более обеспечивал своими изданиями церковь или государство. Например, старейший в России Московский Печатный Двор наряду с государ-

ственными узаконениями широко публиковал богослужбную литературу, а с конца XVII века, когда в Москве заработала Славяно-греко-латинская академия, не гнушался выпуском учебных пособий [1].

Ситуация несколько изменилась в ходе петровских преобразований. В частности, введение в 1708 г. гражданского шрифта для облегчения печатания учебной и справочной литературы, впервые ограничило духовную цензуру: с 1708 г. книги, изданные с использованием гражданского шрифта ей не подлежали [2]. Вместе с тем и использование прежнего «дореформенного» алфавита ограничивалось сферой духовной литературы

И вот по новому закону всякий желающий, имеющий средства на обзаведение печатным оборудованием и расходными материалами, и не только в обеих столицах, но также и в других городах Российской империи, получил право издавать разнообразную печатную продукцию и заниматься, как сегодня говорят, издательским бизнесом. А сами «вольные типографии» приравнивались к фабрикам и заводам. И в этом уподоблении мы сегодня можем видеть контуры взгляда на издательское дело как на отрасль, если не экономики, то, по крайней мере, хозяйственной деятельности. Хотя, данный законодательный акт и оговаривал дарованную вольность тем, «... чтоб ничего в печатае-

мых в сих типографиях противного законам Божиим и гражданским, или же к явным соблазнам клонящегося издаваемо не было» [3], тем не менее, налицо очевидный прорыв, заключавшийся во включении в гражданский и коммерческий оборот сферы, которая до того обслуживала исключительно государственные интересы.

Можно довольно долго рассуждать о мотивах этого монаршего решения. Очевидно, что, будучи «просвещенной» императрицей Екатерина ценила плоды грамотности и книжности, которые распространялись в основном с помощью печатного слова. И, наверное, перед ее глазами была вопиющая разница между организацией книжного дела на Западе, где ведущую роль играли не государственные, а частные типографии и России, где господствовала государственная монополия на издательскую продукцию. Можно сколько угодно гордиться тиражами Московского Печатного Двора (позже – Синодальной типографии) в XVII-сердине XVIII вв., однако же по ассортименту и названиям они явно уступали плодам работы частных издателей любого небольшого немецкого курфюршества, не говоря уже о более крупных странах. И здесь потребность в расширении книгопечатания в России была очевидной.

По времени рассматриваемый закон совпал с началом проведения Екатериной II ее образовательной реформы (1782-1786 гг.), которая предполагала не только открытие в стране целой сети школ и училищ разного уровня, но и обеспечение их (впервые в истории страны) цельным комплектом учебников для учащихся и учебно-методических пособий для учителей. А это требовало в разы увеличить издание учебной литературы [4].

К сказанному следует присовокупить и известную слабость Екатерины II к сочинительству вообще и публицистике, в частности, что не могло не мотивировать ее создать в собственной империи необходимые условия для реализации этих своих увлечений.

Гораздо интереснее рассмотреть вопрос на какой практический опыт опиралась императрица, проектируя это свое новов-

ведение, ведь само название нового закона «О вольных типографиях» предполагает, что до того никакой частной издательской деятельности в стране не было. Однако же, это не совсем так.

Первым, кто всерьез решил обзавестись собственной типографией в России, был Иоганн Михаэль Гартунг, в документах значившийся цесарцем, то есть подданным Священной Римской Империи германской нации. Он приехал в Петербург летом 1767 года в надежде найти работу в качестве мастера «словолитного художества». Обучавшийся этому ремеслу у искуснейших европейских специалистов и упражнявшийся в нем 24 года, Гартунг предложил свои услуги Сенатской типографии. Для демонстрации умений он взялся изготовить 100 пудов гарта (сплав для изготовления шрифтов). И его гарт оказался более высокого качества, чем сплав, делавшийся служившим в Сенатской типографии мастером Осипом Симкенсом! Образцы обоих продуктов были отправлены на суд Петербургской Академии Наук.

В декабре 1767 года академия подтвердила высокое качество сплава Гартунга, а «Симкенсова ж варения литерной состав» был признан совсем негодным. И 25 февраля 1768 года на место уволенного Симкенса в Сенатскую типографию взяли Гартунга. С ним заключили контракт на четыре года, положив годовое жалованье в 350 руб. и отведя «на житье две камеры с казенными дровами и свечами». Правда, через два с половиной года пребывания Гартунга в типографии выявились удивительные вещи. Так, обнаружилось, что мастер так и не научил учеников варить гарт. Мало того, обнаружилось, что за все время его работы он отлил всего три русских литеры, а французских и вовсе одну...

Странно, что никто из ответственных лиц тогда не поставил вопрос о квалификации Гартунга или как минимум о том, за того ли он себя выдает? Но при этом генерал-прокурор Сената князь А.А. Вяземский приказал Гартунгу еженедельно подавать рапорты о сделанной работе. Видимо, ужесточение контроля над своей работой пришлось иностранцу не по вкусу, и он решил выйти из-под опеки

«ока государева» весьма своеобразным способом. Осенью 1770 года он подал прошение на Высочайшее имя, в котором просил не более ни менее как о заведении частной типографии.

«Как здешнее лютерского и кафолического закона духовенство часто меня уговаривают завести здесь на моем иждивении партикулярную типографию,— писал он, обращаясь к Екатерине,— только для иностранных языков, особливо как сие служило бы к великому облегчению в том нужном наставлении юношества во всяких полезных науках, художествах и языках, о коем Ваше Императорское величество сами все милостивейшее попечение иметь соизволите, ибо в таком случае не было бы более нужды выписывать надобные книги из иностранных мест, употребляя на то великое иждивение и много времени. Того ради Ваше Императорское величество всеподданнейше прошу дать мне все милостивейшую привилегию к заведению типографии и словолитного художества для иностранных языков. Такое учреждение владениям Вашего Императорского величества, без сомнения, было бы небесполезно и небесславно, а я ревностнейшее старание прилагать буду иметь в своей типографии самые лучшие печати, и при том обещаюсь также турецкия, арабския и все ориентальныя писма и всякие другие надобные знаки по требованию лить и печатать» [5].

Сейчас трудно судить, что подтолкнуло Гартунга к такому отчаянному шагу, как прямое обращение к главе государства: страх возможного судебного преследования со всеми вытекающими последствиями, характерными для нашей страны, либо же реальные нужды довольно многочисленных к описываемому времени иностранных общин, обосновавшихся в Санкт-Петербурге. Не суть в том, но императрица через своего секретаря Г.В. Козицкого уведомила генерал-прокурора Сената князя А.А. Вяземского, что Сенат «по усмотрении надобности может дать на оное привилегию». И 1 марта 1771 года Сенатским указом И.М. Гартунгу было разрешено основать вольную типографию «для печатания на

иностранных языках книг и других сочинений» и иметь при ней словолитную мастерскую. При этом в документе строго указывалось Гартунгу «на российском языке никаких книг, ни сочинений не печатать, дабы прочим казенным типографиям в доходах их подрыву не было».

Успех начинания настолько вдохновил новоявленного частного издателя, что он не преминул вновь обратиться к державной просветительнице с просьбой ассигновать 6 тыс. руб., для перевоза семьи из Майнца в Петербург и на покупку инструментов и материалов для оснащения типографии. Эту сумму он обещал в течение десяти лет «в три срока либо отработать, либо готовыми деньгами уплатить» [5]. Однако же и у монаршей милости были свои пределы: на данное прошение пришел отказ, мотивированный условиями военного времени (шла война с Османской империей). Но само по себе наличие этого прошения свидетельствует о том, что Гартунг, решаясь на открытие частного предприятия, все же в большей степени спасал себя, нежели пекся о нуждах иностранных диаспор, которые не спешили ссудить его необходимыми деньгами.

Это предположение будет еще более доказательным в свете того обстоятельства, что свое начинание Гартунг затеял, еще находясь на службе в Сенатской типографии (его контракт истекал только в 1772 г.). Однако же финансовые трудности не позволили ему порвать с государственной службой и после открытия своего частного бизнеса. Он остался в Сенатской типографии, правда, превратился в совершенно нерадивого сотрудника.

В конце концов Гартунг все же был уволен. Но собственной широкой книгоиздательской деятельности он не развернул. В сентябре 1774 года он сообщил в «Санкт-Петербургских ведомостях», что ищет компаньона «для приведения в совершенство заведенной им типографии и словолитни» [6], и о том, что даже готов сдать свое детище в аренду. Этим сообщением какие-либо сведения о деятельности И.М. Гартунга прерываются.

Второй и более успешный опыт частной издательской деятельности еще до приня-

тия рассматриваемого закона о вольных типографиях мы имеем в лице частного немецкого книготорговца Иоганна Якоба Вейтбрехта (1744-1803), которого в 1765 году Академия наук пригласила из Германии заведовать ее книжной лавкой на иностранных языках. С 1768 года он стал ее частным владельцем. Блестяще знавший зарубежный книжный рынок Вейтбрехт, вскоре получил статус Поставщика Двора Ее Императорского Величества и доставлял иностранную литературу для императрицы и многих придворных вельмож.

С таким кругом знакомств ему было несложно получить в 1776 году привилегию на создание еще одной частной типографии. Видимо, вновь основанное предприятие оказалось прибыльным, потому что в 1778 г. в партнерстве с выходцем из Гольштейна Иоганном Карлом Шноором он вдобавок основал еще при типографии книжный магазин и филиал своего издательства в Москве.

Кардинальным отличием издательских начинаний Гартунга от Вейтбрехта было то обстоятельство, что первый получил право издания только на иностранных языках, тогда как второму было высочайше дозволено «также и литеры лить для своей типографии и других, но российских литер», хотя при этом и оговаривалось, что «... какого б оные ни были сорта, ни под каким видом на продажу партикулярным людям не отпускать, и литер, кроме словолитной, при типографии находящейся, в особых или партикулярных домах не отливать и не делать» [7].

Так или иначе, но типография «Вейтбрехт и Шноор» стала одной из лучших на тот момент в России [8]. За пять лет совместной деятельности они выпустили множество книг и периодических изданий. Здесь печатались дамский журнал «Модное ежемесячное издание» [9], а также политически злободневные и острые «Sankt-Petersburgisches Journal» [10] и «Санкт-Петербургский вестник» [11], которые раскупались дворянской молодежью. Кроме того, в типографию постоянно шел поток рукописей, покупавшихся книготорговцами у переводчиков. Книжный магазин при типографии Вейтбрехта получил

право на продажу Трудов Вольного Экономического общества, которые печатались в типографии Академии Наук [12]. Кроме того, в книжном магазине торговали топографическими и географическими картами.

Не могу не сказать в этой связи, что типография Вейтбрехта и Шноора стало одним из пионеров в издании нот, песенников и прочей музыкальной литературы, что делало ее местом притяжения тех представителей среднего и высшего дворянства, стремившихся приобщиться к высокой культуре. Чтобы стимулировать продажи музыкальной литературы, издатели с некоторых пор стали торговать также музыкальными инструментами и аксессуарами к ним, и помогали желающим найти репетиторов для обучения игре на тех или иных музыкальных инструментах. Таким образом, Вейтбрехт сыграл значительную роль в развитии зарождающейся в России музыкальной индустрии [13].

После обнародования Указа о вольных типографиях 27 августа 1784 года Высочайшим указом Вейтбрехту была дарована концессия на учреждение уже чисто русскоязычной типографии. Тогда немецкий издатель основал ещё одну типографию для нужд Сената и Коллегии иностранных дел. Возросшие доходы позволили ему увеличить ассортимент печатных изданий. В частности, между 1785 и 1794 годами он начал печатать и издавать популярный «Journal de la musique», каждый выпуск которого включал в себя 13 произведений для фортепиано [13].

Успехи этого предприятия вдохновили Бернарда Фридриха Брейнкопфа, происшедшего из семьи известных лейпцигских издателей, который до того некоторое время руководил типографией Правительствующего Сената, также просить разрешения завести в Петербурге вольную типографию. 23 декабря 1780 года таковое разрешение было получено. Как видно из именного указа Императрицы Екатерины II, данного 9 июля 1783 г. комиссии об учреждении народных училищ, Брейнкопф, по контракту сроком на шесть лет, обязывался печатать для комиссии все светские и духовные книги; комиссия же

обязывалась представить в распоряжение Брейткопфа две тысячи рублей «на первое заведение», так как у Брейткопфа в то время не было всего необходимого для духовной и отчасти светской печати [14].

Помимо издания учебно-методической литературы Брейткопф известен тем, что был издателем выходившего в 1795 г. в Петербурге «Журнала Санкт-петербургского Итальянского театра», публиковавшего пьесы из репертуара данного театра – в основном комических опер.

За этими частными типографиями надзирали особые смотрители, назначавшиеся Синодом и Академией наук. Они были «обязаны смотреть, чтобы в печатаемых книгах и прочих сочинениях ничего противного, а особливо закону (божью), правительству и благопристойности не было» [15].

Вот после всех этих опытов в области разрешения частной инициативы в книгоиздательском деле и последовало обнаружение указа о вольных типографиях. Деятельностью первых немецких частных издателей, «читающее» общество было подготовлено к открывшимся возможностям. Тотчас же, прежде всего в столицах, начали открываться печатни, из которых многие довольно быстро разорялись и закрывались. Но некоторые успешно проработали более десяти лет. Две вольные типографии были ими заведены в 1783 году в Москве – одна на имя Н.И. Новикова, другая на имя И.В. Лопухина. Добавим к этому Высочайшее разрешение Н.И. Новикову арендовать для целей издания типографию Московского университета, на базе которой он стал издавать первую московскую газету «Московские ведомости» [16] и широкий круг научной и учебной литературы [17]. Вдобавок к этому в 1784 году 14 человек учредили Типографическую компанию – с целью основать обширную типографию на 20 станков.

Несколько позже частные типографии появились и в провинции. В 1784 г. в Ярославле учредили вольную типографию Н.Ф. Уваров, А.Н. Хомутов и Н.И. Коковцов. В том же году в посаде Клиницы Суражского уезда Черниговской губернии, состоявшем из слобод, образо-

вавшихся из бежавших от преследования приверженцев старой веры, купцы Рукавишников и Желязняков и в 1786 году Федор Карташев официально открыли свои типографии. Одна из лучших по оснащённости частных типографий находилась в Пензенской губернии в селе Рузаевка у помещика Н.Е. Струйского и пр.

Из этих типографий выходило огромное количество книг и периодических изданий просветительского характера. Но наряду с ними печатались переводные книги, научные и масонские труды, которые продавались не только в московских книжных лавках, но и в провинции. Только в Москве число книжных лавок благодаря Н.И. Новикову увеличилось в 10 раз: было 2, стало 20. Им же была учреждена в Москве и первая публичная библиотека. За 8 лет (1784-1791) существования только одна Типографическая компания сумела издать 554 наименования книг [20]. По общим оценкам современных исследователей с 1785 по 1790 год число книг, издаваемых в России ежегодно, увеличилось в 3,5 раза по сравнению с началом царствования Екатерины II.

Однако же, первоначальная эйфория, вызванная ощущением дарованной свободы самовыражения, тотчас же начала тормозиться. Уже 23 декабря 1785 года главнокомандующему в Москве графу Я.А. Брюсу был направлен указ Екатерины II «Об определении духовных особ вместе с светскими для освидетельствования книг, выходящих из вольных типографий в Москве» [19]. Книги, напечатанные в типографиях Новикова, в указе назывались «странными». Губернскому прокурору приказывалось сочинить опись новиковским книгам и отослать ее вместе с книгами к архиепископу Московскому Платону [20].

После расследования издательской деятельности Н.И. Новикова на деятельность вольных типографий накладываются новые ограничения. 27 июля 1787 года Екатерина II подписала указ, которым печатание церковных книг и вообще литературы духовного содержания разрешалось исключительно духовным типографиям. И было приказано московской полиции

наблюдать, «дабы ни из одной светской типографии или светской книжной лавки в Москве не были продаваемы... книги церковные, или к Священному писанию, вере, либо толкованию закона и святости относящиеся, кроме тех, кои напечатаны в Синодской или иных духовных типографиях».

Ну а затем, как известно, в мае 1790 года появилось «Путешествия из Петербурга в Москву», напечатанное А.Н. Радищевым в домашней типографии, по прочтении на форзаце которого, монаршей рукой было высочайше начертано «бунтовщик, хуже Пугачева». Последовало наказание автора ссылкой в Сибирь. Вдобавок Главнокомандующий Москвы генерал-фельдмаршал А.А. Прозоровский, напуганный революцией во Франции, стал регулярно отправлять императрице доносы на Новикова. И наконец получил приказ расследовать, не печатает ли Новиков в нарушение закона книг церковной печати. 22 апреля 1792 года Новикова арестовали и без суда заточили в Шлиссельбургскую крепость на 15 лет. Между прочим, свой срок в Шлиссельбурге Новиков отбывал в печально известной камере №2, в которой до него окончил свои дни Иоанн Антонович.

В существующей исторической литературе сложилось мнение, что причинами столь резкой реакции самодержавия на плоды просвещения, им же посеянного, было то обстоятельство, что Екатерина хотела стоять во главе не только государства, но и общества и самой направлять движения мысли этого общества. «Избалованная успехом и лестью, которую слышала от первостепенных писателей Европы, и сознавая свое собственное превосходство, она думала, что одна способна руководить воспитанием общества» [21]. Между тем, процесс стал развиваться вне ее воли и желания.

Я бы в этой связи отметил также и международный контекст описанных выше событий. Как раз в это время в Европе разразился страшный скандал вокруг тесно связанного с масонами тайного общества баварских иллюминатов. Возникшая из студенческого кружка в университете Ин-

гольштадта, эта организация изначально ставила перед собой весьма благородные цели всемерного распространения знания, идей просвещения, борьбы с разными формами клерикализма и свободы творчества во всех его проявлениях. В этом смысле цели иллюминатов совпадали с целями классического (неполитического) масонства. Поэтому иллюминаты тесно с масонами сотрудничали и вступали в масонские ложи. Однако же как раз в 1785 году появились первые свидетельства того, что за ширмой этих благородных намерений иллюминаты планировали совершить политические перевороты в ряде стран Европы, для чего организовывали повсеместно тайные организации, вовлекая туда женщин, студентов, военных и т.д. Всплыли тайные шифры и инструкции иллюминатов по организации подрывной антигосударственной деятельности, а также изготовлению фальшивых документов, печатей и пр. Эти разоблачения стали шоком для европейской общественности, сильно подорвали доверие благонамеренных европейцев к баварским иллюминатам в частности и к тайным организациям вообще, включая масонов, вынудили ряд государств принять жесткие законодательные акты, запрещавшие своим подданным участвовать в каких бы то ни было тайных обществах. Причем события эти разворачивались аккуратно во второй половине 80-ых гг. XVIII века и русская императрица не могла об этом не знать. А контакты русских масонов с великим князем Павлом Петровичем, у которого с императрицей были, как известно, весьма сложные отношения, только усугубляли эти подозрения... [22]. Ну а в 1789 году, как бы подтверждая подрывные намерения тайных обществ, разразилась Великая Французская революция.

В свете всего вышесказанного именной императорский указ от 16 сентября 1796 года «Об ограничении свободы книгопечатания и ввоза иностранных книг; об учреждении на сей конец цензуры... и об упразднении частных типографий» [23] был вполне закономерен и даже ожидаем. Как сегодня говорят, «окно возможностей» для свободы печати в России закрылось.

Тиражи издававшихся в России книг ожидаемо стали падать: если в 1788 году было издано 439 книг, в 1796 – 256, то в 1797 – всего лишь 165 [24].

Правда длилось это недолго. Пришедший к власти после переворота 1801 года молодой император Александр I, обещавший управлять «по законам и сердцу Ав-

густейшей Бабки своей Екатерины Великой», вновь разрешил частную книгоиздательскую деятельность. Поэтому жертвы, которые были принесены на алтарь свободы печати первыми частными издателями в конце XVIII века нельзя считать напрасными.

Библиографический список

1. Поздеева И.В., Пушкин В.П., Дадыкин А.И. Московский печатный двор – факт и фактор русской культуры. – М.: Мосгорархив. 2001.
2. Рейфман П.С. Цензура в дореволюционной, советской и постсоветской России. – М., Пробел-2000. 2017. – 218 с.
3. Указ о вольных типографиях. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. Т. 21. СПб., 1830. № 15634.
4. Рождественский С.В. Очерки по истории систем народного просвещения в России XVIII-XIX вв. // Записки историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета. Т.1. СПб., 1912. – 354 с.
5. Самарин А.Ю. Немцы – создатели первых частных типографий в России. // «Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе» – Москва: РОССПЭН, 2008. – 222 с.
6. Газета «Санкт-Петербургские ведомости» за XVIII в. 1774 г. – Л.: БАН. 1987. – 387 с.
7. Указ о дозволении книготорговцам Вейтбрехту и Шноору завести собственную типографию. Полный Свод Законов Российской Империи. Собр. I. Т. 20. СПб., 1830. № 14495.
8. Фафурин Г.А. К истории академической книжной торговли в России в эпоху Екатерины II. Деятельность Иоганна Якоба Вейтбрехта в Санкт-Петербурге. СПб., Петербургское лингвистическое об-во. 2010.
9. Смеюха В.В. Первый отечественный женский журнал: история и типология. // *Lingua mobilis*. – 2011. – №2 (28). – С. 106-112.
10. *St. Petersburgisches Journal vom Jahre 1784 / Arendt von Ch. G. Wentworth Press*. 2018.
11. Русская периодическая печать (1702-1894): Справочник. М.: Гос. изд-во Полит. лит., 1959. С. 237.
12. Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725–1800. Т. 4. М., 1966. №248. С. 197.
13. Ломтев Д.Г. Первые немецкие музыкальные издатели в России. // Известия высших учебных заведений. Проблемы полиграфии и издательского дела. – 2009. – №5. – С. 92-99.
14. Томсинов В.А. Законодательство Екатерины II. 1783-1796 гг. М., 2011. С. 54.
15. Указ о дозволении книготорговцам Вейтбрехту и Шноору завести собственную типографию. Полный Свод Законов Российской Империи. Собр. I. Т. 20. СПб., 1830. № 14495.
16. Минаева О.Д. История становления газеты «Московские ведомости» в XVIII в. // «Московские ведомости» 1756-1917. Ч. 1. М., Ф-т Журналистики МГУ. 2008. – С. 137-164.
17. Нефедов А.В. Мастер слова и дела: странности судьбы книгоиздателя Н. Новикова. – М., 2010.
18. Семенников В.П. Книгоиздательская деятельность Н.И. Новикова и Типографическая компания. Пг., 1921. – 815 с.
19. Именной указ, данный Главнокомандующему в Москве Графу Брюсу от 23 декабря 1785 г. «Об определении Духовных особ вместе с светскими, для освидетельствования книг, выходящих из вольных Типографий в Москве» // Полный Свод Законов Российской Империи. Собр. I. Т. 22. Спб. 1830. № 16301.
20. Гутнов Д.А. Просветительская деятельность митрополита московского Платона (Левшина) и Московский университет. // Православный монастырский мир: история и со-

временность. Материалы научно-практической конференции. Ярославль. 26 мая 2016 г. Ярославль., ЯрГУ. 2017. – С. 90-93.

21. Пыпин А.Н. Русское масонство XVIII и первая четверть XIX века. Пг. 1916. – 432 с.

22. Пашенко Д. Общество баварских иллюминатов // Дилетант. – 2017. – №5. – С. 45.

23. Именной указ от 16 сентября 1796 г. Об ограничении свободы книгопечатания и ввоза иностранных книг; об учреждении на сей конец цензуры в городах: Санкт-Петербурге, Москве, Риге, Одессе, при Радзивилловской таможне и об упразднении частных типографий. Полное собрание законов Российской империи. Собр. I. Т. 23. Спб., 1830. №1758.

24. Константинов К.Б. Деятельность частных типографий в России во второй половине XVIII века: историко-правовой аспект // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – Сер. Общие и гуманитарные науки. – 2006. – №19. – С. 47.

THE ACTIVITIES OF THE FIRST FOREIGN PUBLISHERS IN RUSSIA AND THE PUBLICATION OF THE DECREE "ON FREE PRINTING HOUSES" IN 1783

D.A. Gutnov, *Doctor of Historical Sciences, Professor*
Lomonosov Moscow State University
(Russia, Moscow)

***Abstract.** The article is devoted to the activities of the first German private publishers in Russia at the second part of XVIII century. The interest in them is dictated by the fact that this experience formed the basis for the publication of the famous Catherine's decree "On free printing houses" in 1783. This decree for the first time allowed and legalized the conduct of a private book publishing business in Russia. No less important is the fact that after the publication of this decree it became possible to publish private periodicals. And this, in turn, gave an impetus to the development of domestic journalism.*

***Keywords:** Decree on free printing houses, Catherine II, I.M.Hartung, I.Ya.Weitbrecht, K.Schnar, N.I.Novikov, private printing houses.*